

Говоря обычным для политики языком, Горбачев потерпел поражение: «демократическая реформация», которую он пытался провести в Советском Союзе, закончилась распадом страны и государства. Но это не все, что можно сказать о шести с половиной годах его лидерства, которые были отмечены двумя беспрецедентными достижениями Горбачева. Он подвел Россию (тогда еще советскую Россию) к реальной демократии ближе, чем когда-либо в ее многовековой истории. И совместно с партнерами, которых он нашел в лице американских президентов Рональда Рейгана и первого Джорджа Буша, ближе, чем кто-либо до него, подошел к окончанию многолетней холодной войны.

Бессмысленно, впрочем, полагать, что Горбачев должен был непременно завершить свои начинания. Немногие реформаторы, даже «выдающиеся исторические деятели», способны увидеть свою миссию во всем объеме, от и до. Особенно это касается зачинателей больших перемен, характер и длительность которых порождают больше препятствий и проблем, чем их авторы (если только это не Сталин) могут или успевают преодолеть. «Новый курс» Франклина Рузвельта, эта перестройка американского капитализма, продолжался, с отступлениями, еще много лет после смерти автора. Большинство таких лидеров только открывают политические двери, оставляют после себя не существующие прежде альтернативные пути и надеются, как Горбачев, который не раз заявлял, что то, что начато, будет «необратимо».

Исторические шансы модернизировать Россию постепенно и на основе всеобщего согласия положить конец холодной войне составили наследие Горбачева. То, что оно оказалось утрачено или разбазарено, было виной элит и лидеров, пришедших после него, как в Москве, так и в Вашингтоне. В результате, эти шансы вскоре получили неверное представление и были полузабыты. Несмотря на демократические прорывы, имевшие место при Горбачеве, роль «отца русской демократии» вскоре была отдана его преемнику Борису Ельцину. Ведущие американские журналисты, как и представители вашингтонского политического истеблишмента, теперь заявляют своим читателям, что это именно Ельцин начал «переход России от тоталитаризма», он «поставил Россию на путь демократии», и при нем случились «первые проблески демократической гражданственности». <...>

Как можно объяснить подобную историческую амнезию? В постсоветской России главная причина заключалась в политической целесообразности. Опасаясь народного возмущения по поводу их роли в развале Советского Союза и не стихающей популярности Горбачева за рубежом, Ельцин и его ближайшее окружение заявили, что именно новый российский президент, несомненно, был «отцом русской демократии», а Горбачев всего лишь неуверенным реформатором, который надеялся «спасти коммунизм». <...>

На Западе и особенно в Соединенных Штатах пересмотр истории определялся идеологией. Исторические реформы Горбачева, как и прежние надежды Вашингтона на то, что они состоятся, оказались моментально забыты после 1991 г., когда крах Советского Союза и мнимая победа Америки в холодной войне положили начало новой американской идеологии триумфализма. Вся история «побежденного» советского врага отныне преподносилась в американской прессе как «семь десятилетий жесткого и безжалостного полицейско-го государства», как «рана, причиненная народу» и мучившая

его «большую часть столетия», как опыт, оказавшийся «насквозь даже большим злом, чем мы предполагали». <...>

Сходным образом реагировали и американские ученые, часть которых также подверглась влиянию «триумфалистской веры». За небольшим исключением, они предпочли вернуться к старым советологическим аксиомам, согласно которым советская система всегда была неререформируемой, а ее судьба – predetermined. Предложенный Горбачевым «эволюционный средний путь... был химерой», такой же, как в свое время НЭП, попыткой «реструктурировать нереструктурируемое», так что Советский Союз скончался из-за «недостатка альтернатив». <...>

Пересмотр истории Советского Союза потребовал пересмотра взгляда и на его последнего лидера. Некогда признанного «радикалом № 1» Советского Союза, которому рукоплескали за его «смелость», Горбачева теперь обвиняли в недостатке «решительности и продуктивности», как и в недостатке «радикализма». <...>

Представление о том, что продемократические меры Горбачева и другие его реформы были недостаточно радикальны, препятствует пониманию принципиальной разницы между его подходом и подходом Ельцина. От Петра I и до Сталина главным методом властных преобразований в России была «революция сверху», которая навязывала болезненные изменения обществу путем государственного принуждения. Ельцинские меры начала 1990-х годов, получившие название «шоковая терапия», несмотря на преследуемую им принципиально иную цель, продолжили эту порочную традицию.

Горбачев же категорически отвергал эту традицию. Он был с самого начала решительно настроен провести страну – впервые в ее многовековой истории – через поворотный момент без кровопролития. Перестройка, заявлял он, это «исторический шанс модернизировать страну путем реформ, то есть мирными средствами», процесс «революционный по содержанию, но эволюционный по методам и форме перемен». <...> Известно, какую цену Горбачев заплатил за выбранную им «демократическую реформу» (для человека у власти – уже своего рода ересь) как альтернативу русской истории насильственных трансформаций.

В условиях политических и социальных потрясений ельцинских постсоветских 1990-х годов, российские историки и другие интеллектуалы, в отличие от их американских коллег, начали переосмысливать последствия советского распада. Все больше людей приходило к выводу, что определенная форма горбачевской перестройки, или «некатастрофичной эволюции», пусть даже без него, была шансом демократизировать и маркетизировать страну менее травматичными и затратными, а значит, более эффективными, методами, чем те, что были выбраны при Ельцине. На эту тему российские историки (и политики) будут спорить еще долгие годы, но судьба демократизации страны показывает, почему некоторые из них уже сейчас убеждены, что подход Горбачева был «упущенной альтернативой».

Рассмотрим вкратце «траекторию», как говорят специалисты, четырех основных компонентов любой демократии, по которой они развивались в России до и после конца Советского Союза в декабре 1991 г.:

Без значительного числа независимых средств массовой информации другие элементы демократии, от честных выборов и механизмов ограничения власти до системы правосудия, не могут существовать. В 1985-86 гг. Горбачев, в качестве первой важной реформы, ввел «гласность», что означало постепенное уменьшение официальной цензуры. Результатом стало появление к 1990-91 гг. огромного количества независимых публикаций и, что было более важным для того времени, в значительной мере свободных от цензуры государственных телевидения, радио и газет. Обратный процесс начался после победы Ельцина над ГКЧП в августе и отмены СССР в декабре 1991 г. В обоих случаях им были закрыты несколько оппозиционных газет и восстановлена цензура Кремля на телевидении. Это были временные меры; более продолжительный контроль над постсоветскими российскими СМИ был установлен после вооруженного уничтожения Ельциным российского парламента в 1993 г. и его «приватизационных» указов, сделавших узкую группу людей, известных как «олигархи», собственниками главных богатств страны, в том числе СМИ.

Президентские выборы 1996 г., которые Ельцин едва не проиграл кандидату от Коммунистической партии, ознаменовали конец подлинно свободных и независимых общенациональных СМИ в постсоветской России. Несмотря на то, что некоторый плюрализм и независимый журнализм в СМИ продолжали сохраняться, <...> они неуклонно деградировали. <...>

По той же «траектории» развивались и российские выборы. Первые в советской истории общенациональные выборы на альтернативной основе на Съезд народных депутатов СССР состоялись в марте 1989 г. И, хотя половина депутатов были избраны от организаций, а не народным голосованием, это был исторический прорыв, ознаменовавший горбачевскую кампанию демократизации. Вскоре последовали и другие. Выборы в соответствующий законодательный орган РСФСР в начале 1990 г. остаются до сих пор самыми свободными и честными парламентскими выборами, когда-либо проводимыми в России. То же можно сказать и о новых для страны выборах президента Российской Федерации в 1991 г., на которых мятежный Ельцин с большим отрывом победил кремлевского кандидата.

Больше в России до распада Советского Союза ни парламентских, ни президентских выборов не было, а те, что имели место после, хотя и сохраняли безопасную степень конкуренции, раз от раза были все менее свободными и честными. К 1996 г. было наработано достаточное количество «политических технологий» для «управляемой демократии», позже связанной с именем Владимира Путина: максимально широкое использование денежных средств, контроль над СМИ, урезание в правах независимых кандидатов и партий и фальсификация итогов голосования, – чтобы гарантировать сохранение эффективной власти независимо от того, кто конкретно правит Россией. <...>

Самое показательное, что выборы Ельцина президентом РСФСР в 1991 г. были первым и последним случаем, когда исполнительная власть свободно перешла от Кремля к

оппозиционному кандидату. В 2000 г. Ельцин передал власть Путину уже посредством «управляемых» выборов, а Путин в 2008 г. аналогичным путем сделал своим преемником Медведева. <...>

Но ни одно из демократических достижений эпохи Горбачева не имело большего значения и не претерпело более фатальной деградации, чем всенародно избранные, с его подачи, в 1989-1990 гг. советские законодательные органы. Демократия может существовать без независимой исполнительной власти, но она невозможна без суверенного парламента или его эквивалента – единственно незаменимого института представительной власти. От царей до генсеков, русский авторитаризм отличался безусловным преобладанием исполнительной власти при отсутствии или незавидной участи представительного собрания, будь то царская Дума предреволюционного периода, Учредительное собрание 1917-1918 гг. или всенародно избранные Советы.

В этом контексте, Съезд народных депутатов СССР, состоявшийся в 1989 г., и его российский республиканский аналог 1990 г., каждый из которых избрал свой собственный Верховный Совет в качестве постоянно действующего парламента, были самым исторически значимым итогом продемократических мер Горбачева. Первый действовал как все более независимый конституционный конвент, принимая законы для дальнейшей демократизации Советского Союза путем разделения полномочий, ранее являвшихся монополией царей или комиссаров, а также создавая всевозможные комиссии по расследованию и выступая как источник оппозиции Горбачеву. Второй делал то же самое в Российской республике, причем самым важным законодательным нововведением его стало учреждение выборной президентской власти для Ельцина. <...>

Двадцать лет спустя постсоветский российский парламент, переименованный в Думу, стал почти точной копией своих слабых и послушных предшественниц царского времени, а президентская власть обрела почти всевластные полномочия. <...>

Наконец, жизнеспособная демократия нуждается в правящих элитах, доступ в которые открыт, по крайней мере, время от времени, для представителей других партий, негосударственных структур и гражданского общества. К моменту начала перестройки само-назначенная советская номенклатура сосредоточила в своих руках всю политическую власть и даже само участие в политике. Нарушение этой монополии путем обеспечения возможности появления новых политических фигур из разных социальных и профессиональных слоев – так, мэрами Москвы и Петербурга были избраны доктор экономических наук и профессор права – было еще одним демократическим прорывом времени Горбачева. В 1990 г. такие люди уже составляли значимое меньшинство в союзном и большинство – в российском парламенте.

После 1991 г. это достижение тоже было свернуто. Постсоветская правящая элита вскоре превратилась в узкую группу, состоящую, по большей части, из личного окружения лидера, финансовых олигархов и их представителей, государственных чиновников и силовиков (людей из структур вооруженных сил и госбезопасности). Рост числа последних на высших уровнях власти, к примеру, обычно связывают с приходом Путина, бывшего подполковника КГБ, но этот процесс начался уже вскоре после советского распада. <...>

Ситуация с гражданским обществом развивалась соответственно. Что бы там ни говорили люди, называющие себя «промоутерами» гражданского общества, оно всегда существует, даже в авторитарных системах. Но в постсоветской России большинство его представителей к концу 1990-х гг. вновь впали в доперестроечную пассивность, предпочитая действовать спорадически или вовсе бездействовать. Такой поворот был вызван несколькими факторами, в том числе, усталостью, разочарованием, государственной ре - оккупацией политической сферы, а также нокаутирующим воздействием ельцинской «шоковой терапии» начала 1990-х., выбившей из рядов некогда широких и профессиональных советских средних классов, считавшихся предпосылкой стабильной демократии, каждого десятого. <...>

Короче говоря, эти четыре признака свидетельствуют, что российская демократизация после конца Советского Союза развивалась по нисходящей траектории. Другие политические процессы двигались в том же направлении. Конституционализм и главенство закона были руководящими принципами горбачевских реформ. Они не всегда доминировали, но являли резкий контраст с ельцинскими методами, которые уничтожили в 1993 г. весь сложившийся конституционный порядок, от парламента и только набравшего форму Конституционного суда до возрожденных советов на местном уровне управления. Затем, до конца 1990-х гг., Ельцин правил в основном при помощи указов, издав 2300 только за один год. Взлет и падение наблюдались в это время и в официальном отношении к правам человека, что всегда служит чувствительным индикатором степени развития демократии. <...>

Вывод кажется очевидным: Советская демократизация, какой бы диктаторской ни была предыдущая история системы, была для России упущенной демократической возможностью, непройденной эволюционной дорогой. <...>

Двадцать лет спустя после прекращения существования советского государства большинство западных наблюдателей сошлись во мнении, что в России идет глубокий процесс «де-демократизации». Попытки объяснить, когда и почему он начался, вновь выявляют принципиальные различия между мышлением западных, особенно американских, специалистов и самих русских.

Большинство американских комментаторов, вычеркнув реформы Горбачева из «злодейской» истории Советского Союза и приписав заслугу демократизации Ельцину, обвинили Путина в том, что он «повел Россию в противоположном направлении». Только считанные американские специалисты не разделили этот взгляд, возложив вину за начало «отката демократических реформ» не на Путина, а на его предшественника Ельцина.

Еще меньше в Америке – видимо, из-за боязни усомниться в «одном из великих моментов в истории» – тех, кто спрашивает, а не начался ли «откат» еще раньше, собственно с распадом советского государства. То, что журналисты и политические деятели не рассматривают такую возможность, еще можно понять. Но даже солидные ученые, которые впоследствии сожалели о своем «оптимизме» в отношении ельцинского руководства, не берутся пересмотреть свою позицию по поводу конца Советского Союза.

А им следовало бы это сделать, поскольку то, как произошел его распад – в обстоятельствах, которые стандартные западные оценки в основном замалчивают или мифологизируют – явно не предвещало ничего хорошего для российского будущего. <...>

В самом общем смысле, существовали грозные параллели между распадом Советского Союза и крахом царизма в 1917 г. В обоих случаях способ, которым было покончено со старым порядком, вызвал почти тотальное разрушение русской государственности, что надолго ввергло страну в хаос, конфликт и бедствие. (Термин «Смута», которым русские называют то, что последовало, наполнен страхом перед будущим, страхом, вытекающим из прежнего исторического опыта и не передаваемым традиционным английским переводом – «Time of Troubles». В этом смысле, конец Советского Союза был связан не столько со спецификой советской системы, сколько с повторяющимися сломами государства в российской истории.)

Последствия 1991 г. и 1917 г., несмотря на важные различия, были схожи. Вновь надежды на эволюционный прогресс в направлении демократии, процветания и социальной справедливости были разбиты; небольшая группа радикалов навязала нации экстремальные меры; активная борьба за собственность и территорию, раздробив, подорвала основы многонационального государства, на этот раз ядерного, а победители разрушили устоявшиеся экономические и другие важные структуры, чтобы создать абсолютно новые, «как будто не имея прошлого». Вновь элиты действовали во имя идей и лучшего будущего, но оставили общество резко расколотым по отношению к очередному «проклятому вопросу»: почему это произошло? И вновь обычные люди расплачивались за все, в том числе катастрофическим падением уровня и продолжительности жизни.

Безусловно, трудно себе представить политический акт, более экстремальный, чем ликвидация государства с 280-миллионным населением и бессчетными запасами ядерных и прочих средств массового уничтожения. И все-таки Ельцин сделал это, как признали даже его сторонники, сделал безоглядно, способом, который не был «ни легитимным, ни демократическим». Принципиально отличный от горбачевской приверженности постепенности, социальному консенсусу и конституционализму, это был возврат к «необольшевистской» и более ранним российским традициям насильственных изменений, как считают многие русские и даже некоторые западные авторы. Последствия его неизбежным образом поставили под угрозу демократические достижения предшествующих шести лет перестройки.

Ельцин и его ставленники, к примеру, обещали, что принимаемые ими крайние меры будут «чрезвычайными», т.е. временными, но, как это уже не раз бывало в России (предыдущий – при Сталине в 1929-1933 гг.), они разрослись в систему правления. (Следующей, уже запланированной, мерой была «шоковая терапия».) Эти начальные шаги были продиктованы следующей политической логикой. Покончив с Советским государством недостаточно легитимным, с точки зрения закона и народной поддержки, способом, правящая группа Ельцина вскоре стала опасаться реальной демократии. В частности, свободно избранный, независимый парламент и возможность в любой момент лишиться власти порождали страх «пойти под суд и в тюрьму».

Экономическая мотивация, стоявшая за поддержкой Ельцина элитами в 1991 г. ... была еще более злокачественного свойства. Как написал тринадцать лет спустя один бывший сторонник Ельцина, «почти все происходившее в России после 1991 г. в значительной мере определялось дележом собственности бывшего СССР». И здесь тоже были свои зловещие исторические прецеденты. В России двадцатого века уже дважды имели место конфискации собственности в масштабах страны: в 1917-1918 гг., когда в ходе революции были экспропрированы помещичьи владения и промышленные предприятия и другая крупная собственности капиталистов, и в 1929-1933 гг., когда 25 миллионов крестьян лишились земли в ходе сталинской коллективизации. Негативные последствия обоих эпизодов еще долгие годы терзали страну.

Значительная доля огромных богатств страны, которые в течение десятилетий считались – законодательно и идеологически – «собственностью всего народа», перекочевала в руки советских элит, проявивших при этом не больше уважения к законности процедуры или к общественному мнению, чем большевики в 1917-1918 гг. На самом деле, по мнению одного русского интеллектуала-антикоммуниста, «большевистская экспроприация частной собственности выглядит просто верхом благочестия на фоне безумной несправедливости нашей абсурдной приватизации».

Чтобы закрепить свое господствующее положение и лично обогатиться, советские элиты нуждались в том, чтобы самые ценные куски государственной собственности распределялись сверху, без участия законодательных структур и иных представителей общества. Этой цели они достигли сперва сами, с помощью «стихийной приватизации» накануне роспуска Союза, а затем, после 1991 г., с помощью указов, изданных Ельциным. В итоге, приватизацию с самого начала преследовал призрак «двойной нелегитимности» – в глазах закона ... и в глазах населения».

Политические и экономические последствия было нетрудно предвидеть. Опасаясь за свои сомнительным образом приобретенные богатства, а порой и за свою жизнь и жизнь своих близких (многие отослали свои семьи жить за границу), собственники, составившие ядро первой постсоветской правящей элиты, были не меньше Ельцина заинтересованы в ограничении или свертывании парламентской демократии и свободы СМИ, введенных Горбачевым. Взамен они стремились создать своего рода преторианскую политическую систему, призванную защищать их богатство и им же развращаемую.

Угроза благосостоянию и безопасности кремлевско-олигархической «Семьи» способствовала затем «демократическому переходу» власти от Ельцина Путину в 1999-2000 гг. В условиях все громче звучавших в стране и в Думе требований социальной справедливости, ответственности за преступления и импичмента, а также ухудшения политического и физического здоровья Ельцина, олигархи отчаянно нуждались в новом защитнике в Кремле.

В качестве кандидатов на этот пост рассматривались несколько фигур, пока выбор не пал на 47-летнего Владимира Путина. Хотя позже он повел себя на посту лидера не так, как рассчитывали олигархи, причина, по которой выбрали Путина, была очевидна: как глава ФСБ, он уже продемонстрировал, что «готов помочь» прежнему патрону избежать уголовного обвинения. И, действительно, первое, что он сделал, став президентом,

гарантировал Ельцину, как было оговорено заранее, пожизненный иммунитет от судебного преследования. Впервые за столетия полицейских репрессий в России, таким образом, карьерный офицер тайной полиции стал ее верховным лидером. (Юрий Андропов перед тем, как стать генеральным секретарем ЦК КПСС в 1982 г., возглавлял КГБ, но это не была его первая или основная профессия.)

Экономические последствия «дележа» были не менее глубокими. Не зная точно, как долго они смогут на деле владеть своей огромной собственностью, новые олигархи изначально были больше заинтересованы в том, чтобы обдирать активы, как липку, нежели инвестировать в них. Отток капитала вскоре намного превысил вложения в экономику, которые упали на 80% в 1990-е гг. Это стало главной причиной депрессии, хуже той, что была на Западе в 1930-е гг.: ВВП сократился наполовину, а реальные зарплаты (там, где их еще платили) даже больше, при этом примерно 75% граждан страны оказались за чертой бедности. В результате, постсоветская Россия лишилась многих из своих, с трудом завоеванных, достижений двадцатого века, став первой нацией в истории, подвергшейся настоящей демодернизации в мирное время.

Тот факт, что все эти процессы разворачивались под знаменем «демократических реформ», еще больше дискредитировал демократию (именуемую теперь не иначе как «дерьмократия») в народном мнении. Двадцать лет спустя после начала «дележа собственности бывшего СССР», его политические и экономические последствия, наряду с убеждением, что «собственность без власти ничего не стоит», остаются главной причиной де-демократизации России и, одновременно, главным препятствием для ее обратного движения.

Учитывая все эти зловещие обстоятельства, почему же так много западных комментаторов, от политиков и журналистов до ученых, приветствовали распад Советского Союза как «прорыв» к демократии и свободно-рыночному капитализму, упорствуя в этих своих заблуждениях? Там, где дело касалось России, их реакция, опять же, была основана на антикоммунистической идеологии, обнадеживающих мифах и амнезии, а не на исторических или современных реалиях. Намекая на близорукость тех людей, которые давно мечтали уничтожить советское государство и затем «ликвали» на обломках, один московский философ с горечью заметил: «Они целили в коммунизм, а попали в Россию».

Одним из наиболее идеологизированных мифов, связанных с концом Советского Союза, является миф о том, что он «был обрушен руками собственного народа» и привел к власти в России «Ельцина и демократов» – даже «моральных лидеров» – представляющих «народ». На самом деле, как я отмечал ранее, не было ни народной революции, ни общенациональных выборов, ни референдума, узаконивших или санкционировавших распад.

Ельцин отменил Советский Союз в декабре 1991 г., опираясь на альянс сил, движимых эгоистическими интересами. Все входившие в него группы называли себя «демократами» или «реформаторами», но при этом две самые важные были явно плохими союзниками. Первая – это номенклатурные элиты, которые, как метафорически заметил ельцинский главный министр, шли «на запах собственности, как хищник идет за добычей», и жаждали

собственности больше, чем любой демократии или рыночной конкуренции (многие из них выступили против горбачевских реформ), а вторая – это нетерпеливое, откровенно продемократическое крыло интеллигенции. Традиционные враги в дореформенной советской системе, они стали сообщниками в 1991 г., в основном, потому что радикальные экономические идеи интеллигенции казались оправданием для номенклатурной приватизации.

С конца 1980-х гг. Чубайс и другие настаивали, что рыночная экономика и крупная частная собственность должны быть навязаны неподатливому российскому обществу «железной рукой» режима. Этот перевозносимый ими «большой скачок» потребует «жестких и непопулярных» политических решений, что повлечет за собой «массовое недовольство» и, в результате, сделает необходимым применение «антидемократических мер». Подобно жаждущим собственности элитам, главное препятствие эти «либеральные почитатели Пиночета» видели в новых законодательных органах, избранных при Горбачеве и все еще называемых советами. О своем лидере Ельцине они говорили: «Пусть будет диктатором».

Отсюда оставался только шаг до возврата к российским авторитарным традициям, а за ним – свержение избранного парламента, декретная приватизация, назначение Кремлем финансовых олигархов и коррупция в сфере выборов и СМИ. Российский профессор права позже так оценивала случившееся: «В итоге, так называемое демократическое движение перестало существовать уже к концу 91-го года... Одни занялись дележом собственности и первоначальным накоплением капитала, другие подрядились к новым собственникам для политического обслуживания их интересов».

Лежавший в основе взглядов ельцинских сторонников-интеллектуалов «синдром Пиночета» был проявлением их глубокого антидемократического презрения к русскому народу. Когда результаты выборов оказались не в пользу «либералов», они усомнились в «психическом здоровье» избирателей, воскликнув: «Россия, ты сошла с ума!» и сделав вывод: «главная беда нашей демократии – народ». А когда их политика привела к экономической катастрофе, они кивали на подпорченный «национальный генофонд» и вновь обвиняли «народ», который-де заслуживает своей жалкой участи. Однако, когда не стало Советского Союза, судьба страны оказалась не в руках ее народа, который с радостью воспринял демократические реформы Горбачева, а в руках тех элит, которые теперь пребывали у власти.

Политические и экономические альтернативы продолжали существовать в России и после 1991 г. Впереди были другие судьбоносные битвы и решения. И среди факторов, приведших к концу Советского Союза, не было ничего необратимого или детерминистского. Но даже если подлинные демократические и рыночные чаяния там присутствовали, то были там и властные амбиции, и политические заговоры, и алчность элит, и экстремистские идеи, и распространенное чувство несправедливости происходящего и гнев по поводу «величайшего предательства двадцатого столетия». Все эти факторы продолжали играть свою роль после 1991 г., но уже должно было стать ясно, какие из них возьмут верх – как ясной должна была стать и судьба демократической альтернативы, завещанной России Горбачевым.

В 2001 г., по случаю 70-летия Горбачева, одна представительница советской интеллигенции, сильно критиковавшая его в 1990-1991 гг., по-новому взглянула на его руководство. Признав, что демократизация России была его достижением, она добавила: «Горбачев закончил “холодную войну”, и именно этот факт делает его одним из героев уходящего столетия». Хотя сам Горбачев всегда отводил «ключевую роль» своим «партнерам», Рональду Рейгану и Джорджу Бушу-старшему, мало кто из беспристрастных историков этого процесса или его участников станет отрицать, что он был главным героем.

Однако и это его наследие может быть утрачено. В августе 2008 г., спустя почти ровно двадцать лет после исторической речи Горбачева в ООН, дезавуировавшей идеологическую предпосылку участия СССР в «холодной войне», Вашингтон и Москва оказались – опосредованно – в состоянии «горячей войны» в бывшей советской республике Грузии. Суррогатные советско-американские военные конфликты в странах «третьего мира» и в других были характерной чертой «холодной войны», но на этот раз конфронтация была наполовину непосредственной. Если Вашингтон представляли вооруженные силы Грузии, щедро финансируемые им в течение ряда лет, то Москва воевала (и победила) в этой войне собственными силами. Что бы ни говорили в Америке, многие русские, грузины и южные осетины, на территории которых началась война, «воспринимали конфликт как опосредованное столкновение двух мировых держав – России и Соединенных Штатов».

Война застигла большинство западных правительств и обозревателей врасплох, прежде всего, потому что они так и не сумели понять, что новая (или обновленная) «холодная война» уже давно шла, начавшись задолго до кавказского конфликта России и США. В частности, американские официальные лица и специалисты, практически без исключения, неоднократно отвергали саму возможность новой «холодной войны». Некоторые делали это особенно упорно (в ответ на предупреждения немногочисленных критиков, меня в том числе, о нарастающей угрозе), по-видимому, потому что сами имели отношение к политике, способствовавшей нарастанию этой угрозы. Госсекретарь Кондолиза Райс, например, официально объявила, что все «разговоры о новой «холодной войне» являются гиперболической чушью». А колумнист из «Вашингтон пост» подверг критике само «понятие» как «наиболее опасное заблуждение из всех».

Если отбросить личные мотивы, большинство комментаторов откровенно не понимали природы «холодной войны», полагая, что та, которая последовала за Второй мировой, была единственно возможной моделью. По сути, «холодная война» это такая форма взаимоотношений между государствами, при которой в большинстве сфер преобладают все углубляющиеся конфликты и конфронтация, обычно (хотя не всегда) без вооруженного столкновения. Если взять два крайних примера, то пятнадцатилетнее непризнание Соединенными Штатами Советской России (до 1933 г.) было разновидностью «холодной войны», но без гонки вооружений и прочих прямых угроз в адрес друг друга. С другой стороны, советско-китайская «холодная война», длившаяся с 1960-х по 1980-е гг., сопровождалась отдельными вооруженными пограничными конфликтами. Отношения «холодной войны» могут различаться по форме, причинам и содержанию, при этом последние американско-советские являлись чрезвычайно опасными, так как включали гонку ядерных вооружений.

В основе предположения о том, что американо-российская «холодная война» была невозможна после конца Советского Союза, лежали и другие заблуждения. В отличие от прежних времен, расхожим стало убеждение, что постсоветские конфликты между Вашингтоном и Москвой не были продуктом различных экономических и политических систем, не были идеологическими и глобальными, и вообще постсоветская Россия была слишком слаба для еще одной «холодной войны». (В качестве дополнительного доказательства часто приводят «дружбу» между президентами Бушем-младшим и Путиным, забывая, что тридцать лет назад Ричард Никсон и Леонид Брежнев клялись в такой же личной дружбе.)

Все эти утверждения, которые до сих пор широко в ходу в США, базируются на неверной информации. Российский «капитализм» принципиально отличается от американского экономически и политически. Что касается идеологии, то, оставляя в стороне явную переоценку ее роли в предыдущей «холодной войне», идеологический конфликт, или «расхождение в ценностях», между американским «продвижением демократии» и российской «суверенной демократией» – «автократическим национализмом», даже «фашизмом», как новые американские воины «холодной войны» клеймят ее – росло в течение ряда лет, так же, как численность и известность идеологов с обеих сторон. И это расхождение, как нам говорят, «сегодня больше, чем когда-либо со времени краха коммунизма». Так что, как уверяет нас один из авторов «Вашингтон пост», «идеология опять имеет значение». Кроме того, после Второй мировой «холодная война» начиналась не в глобальном масштабе, а в пределах Восточной Европы – так же, как и нынешняя, которая теперь быстро распространяется. А что касается российской неспособности вести войну, то это убеждение было в считанные дни опрокинуто войной в Грузии.

То, что люди, отрицающие новую «холодную войну», стойко заблуждаются, иллюстрируют их собственные оценки американо-российских отношений как «худших за последние 30 лет», и это итог их развития в течение первого десятилетия двадцать первого века. Несмотря на эвфемизмы, в которых это выражается, ухудшение отношений вряд ли можно принять за что-то другое, кроме новой «холодной войны». Вот, например, отрывки из первополосного «анализа новостей», опубликованного в «Нью-Йорк таймс» через неделю после начала войны в Грузии под заголовком «Не холодная война, а большое охлаждение»:

«Холодная война закончилась», объявил в пятницу президент Буш, но началась, тем не менее, новая эпоха вражды между Соединенными Штатами и Россией... Постольку, поскольку г-н Буш заявил, что старые определения холодной войны больше не подходят, он провел новую линию ... между странами свободными и несвободными, и тут же поместил Россию по другую сторону от нее... Напряженность уже налицо, и обе стороны сделали достаточно, чтобы разжечь пламя... Совет Безопасности ООН вновь оказался в патовой ситуации, свойственной холодной войне... Российская наступательная операция – первая после краха Советского Союза в 1991 г. совершенная за пределами ее территории – зафиксировала некое перестроение, уже имеющее место в Центральной и Восточной Европе... Администрация перестала возражать против посылки ракет «Патриот», которые могли бы защитить польское место базирования [для американской ракетной обороны]... Высокопоставленный русский генерал подтвердил худшие опасения Польши, заявив в пятницу, что эта страна только что сделала себя мишенью для российского ядерного арсенала... Может показаться несовременным говорить о блоках в Европе, но они возникают сегодня столь же очевидно (пусть и менее идеологически), как

те, что существовали по обе стороны от «железного занавеса»... На самом деле, отчуждение между Соединенными Штатами и Россией редко когда (если вообще когда-то) было более глубоким.

А если так, то что же случилось с «концом “холодной войны”»? [...] Ключевой вопрос в данном случае: как и когда закончилась «холодная война»?

Когда Горбачев пришел к власти в 1985 г., он уже был решительно настроен добиваться не просто очередного ослабления западно-восточной напряженности, но отмены сорокалетней «холодной войны». На это у него были три причины. Он был уверен, что ее наиболее опасный элемент, советско-американская ядерная гонка, представляет угрозу существованию человечества. Он хотел, чтобы Советский Союз стал неотъемлемой частью Запада, «общеевропейского дома», в который он включал и США. Кроме того, без существенного сокращения международной напряженности и экономических затрат на «холодную войну» Горбачев едва ли мог мобилизовать в стране политическую поддержку и ресурсы, необходимые для перестроечных преобразований.

Антивоенная миссия Горбачева была продиктована тем, что он и его помощники называли «новым мышлением». Также клейменное коммунистическими фундаменталистами как ересь, оно совершило «концептуальную революцию» в советской внешней политике. Заложенные в нем идеи, вкупе с замечательными лидерскими свойствами Горбачева и значимым участием президента США, который тоже опасался потенциальных последствий ядерной гонки, Рональда Рейгана, быстро преобразили отношения между Востоком и Западом.

Уже в 1986 г., едва ли год спустя после прихода Горбачева к власти, оба лидера принципиально согласились, что все ядерное оружие должно быть запрещено – цель, которой невозможно достичь, но жизненно важно стремиться. В 1987 г. они подписали договор об уничтожении – впервые – целой категории такого оружия, чем, по сути, дали обратный ход гонке вооружений. В 1988 г., поддержав Горбачева еще в ряде инициатив, касающихся разоружения, Рейган официально снял с СССР клеймо «империя зла», заявив: «То было другое время, другая эпоха». И, оставляя в январе 1989 г. президентский пост, объяснил, почему теперь наступила новая эпоха: «холодная война кончилась».

Но требовалось еще подтверждение со стороны Горбачева и преемника Рейгана, Джорджа Буша-старшего. Что они убедительно и сделали в ноябре и декабре 1989 г.: сначала Горбачев, когда отказался применить военную силу (как делали его предшественники в подобных ситуациях) в ответ на падение Берлинской стены и распад советской империи в Восточной Европе, а затем они оба, договорившись во время встречи на Мальте считать этот саммит началом отсчета «качественно новой эпохи в советско-американских отношениях». Вскоре последовали и другие формальные договоры, но окончательным подтверждением наступления новой, пусть и краткосрочной, эпохи стали два примера беспрецедентного советско-американского сотрудничества, продемонстрированные миру в 1990 г.: соглашение по поводу воссоединения Германии и поддержка Москвой американской войны против Саддама Хусейна, вторгшегося в Кувейт.

В этой истории принципиально важными являются три момента. Первое, даже допуская, что Рейган и Буш играли «ключевые» роли, «холодная война» никогда бы не кончилась и, может, даже углубилась, если бы не инициативы Горбачева. Второе, объективные историки и участники событий расходятся во мнении, когда именно закончилась «холодная война», но согласны в том, что это случилось где-то между 1988 и 1990 гг., т.е. за полтора-три года до роспуска Советского Союза в декабре 1991 г. И третье, прекращение «холодной войны» было совершено таким образом, чтобы, как сначала заверял Буш, «не было побежденных, только победители», или, как позже написала госсекретарь Райс, «без победителей и побежденных».

С американской стороны, однако, эти исторические реалии были вскоре переписаны. Сразу после декабря 1991 г. конец «холодной войны» был привязан, сущностно и причинно, к концу Советского Союза, и роли обоих событий были переписаны в угоду новому американскому триумфалистскому сценарию. Первый вариант написал сам Буш, заявивший в январе 1992 г.: «Америка выиграла холодную войну... Холодная война не закончилась – она была выиграна». Это повторенное им заявление было отмечено и опровергнуто сторонниками Горбачева во время его кампании по переизбранию в том же году.

Джордж Ф. Кеннан, которого считают каноническим авторитетом в области американо-советских отношений (но обычно не прислушиваются), позже отменил утверждение о победе США как «принципиально глупое» и «просто ребяческое», но практически все американские политики и главные СМИ пошли тогда за Бушем и продолжают идти этим путем и по сей день. Как и ведущие ученые, которые должны бы были знать лучше, как обстояло дело. (Двое из них даже заявили, что Борис Ельцин, который стал президентом РСФСР только в июне 1991 г., т.е. много позже поворотных событий 1988-1990 гг., был «катализатором окончания холодной войны».)

Результатом стала «новая история», написанная, как сказал один критик, «как видится из Америки, как чувствуется из Америки, рассказанная так, чтобы это устраивало большинство американцев» – или «сказка со счастливым концом», как написал другой. Когда историки будущего будут искать ответ на вопрос, когда началась новая «холодная война», они, возможно, обнаружат, что она началась в тот момент, когда американцы переписали конец предыдущей, вычеркнув оттуда наследие Горбачева.

Перевод Ирины Давидян

Утраченное наследие Горбачева / Стивен Козн. – М.: АИРО-XXI, 2010. – 56 с. (Серия «АИРО – научные доклады и дискуссии. Темы для XXI века». Выпуск 27). ISBN 978-5-91022-128-8